

Н.Ф. Алефиренко

Речевой жанр, дискурс и культура

Введение. Речевой жанр (РЖ) – это единица речевого общения, предопределяющая форму и стиль построения диалогически организованного высказывания (в широком понимании: не только реплики или предложения, но и целого поэтического или прозаического произведения). Под диалогичностью здесь понимается прием драматизации высказывания, в создании которой принимают участие реальные или виртуальные коммуниканты. Содержательная сущность РЖ обуславливается диалогической и семантико-стилистической архитектурой речевого общения, отображающей социокультурное взаимодействие коммуникантов, смысловую аранжировку их речемыслительного взаимодействия: шутки, молитвы, болтовни или анекдота. В художественной речи на основе традиционных РЖ нередко возникают метаречежанровые построения.

*Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей* (А. Ахматова. «Молитва»)¹.

Поскольку перед нами высказывание метаречежанрового характера, оно вместо установленной канонической последовательности слов представляет собой поэтический текст, сохраняющий основные лексико-стилистические черты обращения и просьбы: *дай мне, отыми, чтобы, стала* и др.

Взаимоотношение РЖ и культуры основано на их содержательных свойствах, в частности на их диалогической природе и стилевой маркированности. В связи с этим речежанровая сущность текстов рассматривается с двух точек зрения: (а) как продукты дискурсивной деятельности и (б) как продукты культурно и исторически обусловленного дискурса. Как продукты дискурсивной деятельности тексты создаются в определенных институциональных рамках, которые накладывают известные языковые и стилистические ограничения на структуру высказываний, порождаемых в определенном речевом жанре. Как продукты культурно и исторически обусловленного дискурса, высказывания (как и тексты в целом) наделены той исторической, социальной, интеллектуальной направленностью, которая определяется «языковым вкусом эпохи». «У каждой эпохи, – писал К. Чуковский, – есть свой стиль, и недопустимо,

¹ Примеры из Анны Ахматовой, которые мы используем в настоящей статье (в дальнейшем даем только название стихотворения), конечно, трудно назвать «материалом» исследования – эти примеры призваны проиллюстрировать наши положения либо служить своеобразными эпиграфами к ним.

чтобы в повести, относящейся, скажем, к тридцатым годам прошлого века (имеется в виду XIX век – *Н.А.*), встречались такие типичные слова декадентских девяностых годов (XIX века – *Н.А.*), как *настроения, переживания, искания, сверхчеловек...* В переводе торжественных стихов, обращенных к Психее, неуместно словечко *сестренка...* Назвать Психею *сестренкой* – это все равно что назвать Прометея *братишкой*, а Юнону – *мамой*» [Чуковский 1961: 118-119].

Подобного рода культурно-коннотативный компонент смысловой структуры слова не может не учитываться в словоупотреблении, характерном для того или иного РЖ. Культурный компонент смысла слова для носителей конкретного языка непосредственно выявляется в речевых высказываниях [Алефиренко 2006: 8]. Поэтому коннотативная архитектура РЖ исследователями выявляется через анализ дискурсов, при котором в текстах так или иначе «сопоставляются социально-исторические срезы эпох, сложившиеся стереотипы мышления, речевого поведения представителей разных слоев общества, профессий, политических групп и т.п.» [Бельчиков 1988: 30].

Культурологический статус речевого жанра. Культурологическая сущность речевого жанра исходит из его понимания как переходного явления между языком и речью. Значит, речевые жанры, хотя в своей дефиниции и содержат определение *речевые*, не являются речью потому, что «жанры – это не коммуникация, а только ее формы» [Дементьев 2006: 238]. Не являются они единицей речи еще и потому, что «являются типической формой индивидуальных высказываний, но не самими высказываниями» [Бахтин 1996: 192]. По определению речевой жанр не относится и к сфере языка (недопустимо говорить «жанры языка»). Следовательно, речевой жанр – и не идеальный конструкт нашего интеллекта, и не его речевое воплощение. В.В. Дементьев полагает, что речевые жанры составляют некое промежуточное пространство между «отчужденной» от человека системой языка и ее реальным использованием [Дементьев 2006: 238]. Вместе с тем, речевые жанры, вне всякого сомнения, коммуникативно значимые явления в том смысле, что служат коммуникации; они всегда актуализированы нашим коммуникативным сознанием. «Даже в самой свободной и непринужденной беседе, – отмечает М.М. Бахтин, – мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим» [Бахтин 1996: 181]. Причем такого рода речепорождение осуществляется по законам культурной коммуникации, с о д е р ж а т е л ь н а я сущность которой заключается не просто в процессе передачи знаний, а во всей совокупности взаимодействия культурного сознания с внешним и внутренним миром общественного организма, называемым этнокультурным социумом (см.: [Коул 1997: 166]). Ф о р м о й же такого взаимодействия сознания и окружающей действительности, бесспорно, является обмен сообщениями. Следовательно, РЖ как способ культурной коммуникации – это типовая модель общения, которая, реализуясь в определенном этнокультурном дискурсивном

пространстве, предполагает актуализацию всех процессов, связанных с порождением, организацией, переработкой, хранением, трансформацией и передачей сообщений.

*Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В землю не зарюю.
Я не словом, не упреком,
Я не взглядом, не намеком,
Я не песенкой наемной,
Я не похвальбой нескромной
.
А земным поклоном
В поле зеленом
Помяну... (Причитание).*

Текст данного стихотворения построен по модели старинного народного обрядового плача, сохраняющей основные узлы базового фрейма: плач, приговаривание, структурно-ритмический параллелизм (многократно повторяемое отрицание).

Типовой моделью общения РЖ отличается от иных форм взаимодействий и форм культурной коммуникации.

Речевой жанр усваивается человеком одновременно с овладением родной лингвокультурой: *как* и *что* говорить в той или иной типовой ситуации общения. И все же категории языка, речевого жанра и культуры, хотя и нетождественны, но вполне сопоставимы как разные типы организации коммуникации. Их сопоставимость объективно обусловлена общими признаками языка и культуры:

- 1) это формы сознания, отражающие мировоззрение и культуру народа;
- 2) между собой они находятся в состоянии постоянного диалога, так как субъект коммуникации – это всегда субъект определенной культуры (или субкультуры);
- 3) язык и культура имеют индивидуальные и общественные формы существования;
- 4) оба феномена обладают признаками нормативности и историзма;
- 5) они эквиполентны: язык – составная часть культуры, основной инструмент ее усвоения, носитель специфических черт национальной ментальности; культура включена в язык, благодаря чему она моделируема в речевом общении.

В то же время нельзя не замечать существующие между ними различия:

- 1) язык как средство коммуникации ориентирован на массового адресата, культура – элитарна;
- 2) язык и культура – разные семиотические системы;
- 3) знаковая организация культуры изоморфна языку;
- 4) в отличие от языка культура не способна к самоорганизации.

В силу этого культура нуждается в семиотической системе, которая компенсировала бы отсутствие такой коммуникативно-репрезентативной самодостаточности. Среди разных знаковых манифестантов культуры наиболее совершенным является естественный язык, способный не только выражать готовые смыслы, но и порождать и тем самым обогащать ценностно-смысловую палитру культуры. Более того, язык как способ организации продуктов речемышления формируется в недрах культуры в виде некоторого семантического потенциала осмысления возможных схем построения мысли-высказывания (Б.А. Парахонский). Исходя из такого понимания соотношения языка, речи и культуры, можно говорить о языковом обеспечении формирования речевых моделей ценностно-смысловой репрезентации мира. В таких моделях, разумеется, фиксируются не сама картина мира, а лишь обобщенные коммуникативные схемы речевого выражения этнокультурного сознания. Конкретная коммуникативная (речевая) реализация языковой способности такого рода осуществляется в виде речевого жанра. С этих позиций под речевым жанром можно понимать определенную систему отношений, устанавливающих координацию ценностно-смысловых форм для данного типа речемышления. В рамках такого рода отношений порождаются и вербализуются в соответствии с коммуникативными интенциями все вновь возникающие или уже существующие представления, восприятия, образы, концепты, понятия и другие подобного рода носители смысла. В процессе такого лингвокультурного действия РЖ расчленяет и организует концептуальное пространство, оставаясь в то же время универсальной формой осмысления и оязыковления действительности. РЖ, следовательно, является механизмом образования речемыслительной дискретности, целенаправленно осуществляющим семиотическое моделирование мира. Вербальный способ конструирования такой модели мира порождает языковую модель мира, которая используется в общении как своего рода семиотическая матрица и воплощается в конкретной речевой модели. Интенционально обусловленная совокупность речевых моделей определяет характер речевого жанра – универсальной формы диалогически организованного высказывания. Связная последовательность таких высказываний в единстве с экстралингвистическими факторами (знаниями о мире, мнениями, установками, коммуникативными целями адресата) образует то *нелинейно организованное пространство*, которое называется *дискурсом*. Как видим, дискурс «не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, рамками текста или самого диалога» [Ван Дейк 1989: 122], это уже не просто «связный текст» или «последовательность предложений» [ЛЭС 1990: 136]. Он выступает важнейшим компонентом социокультурного взаимодействия и в этом статусе предстает в виде коммуникативно-событийной амальгамы языковой формы, значения и действия. Дискурс, таким образом, оказывается прагматически обращенным к когнитивно-коммуникативному взаимодействию и к речевой ситуации. Своей когнитивно-коммуникативной ипостасью он обращен к ментальным и интенциональным состояниям общающихся. Собственно

прагматическая составляющая дискурса, с одной стороны, ориентирована на моделирование типовых ситуаций в виде фреймовых структур, а с другой – позволяет создавать виртуальные схемы и сценарии развития таких ситуаций в конкретном типе общения (см.: [ЛЭС 1990: 412]).

Из сказанного вытекает существенный для понимания взаимоотношения РЖ и культуры принцип: нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры; модель культуры не адекватна предметной области языка. Однако названные различия не препятствуют их соотносимости, поскольку и те и другие выступают тем средством, при помощи которого «человек осуществляет свою ориентацию в окружающем мире и воздействие на мир, а точнее: такую важную часть взаимодействия с миром, как общение с другими людьми» [Дементьев 2006: 238]. Это, по сути, разные коммуникативные аттракторы, разные типы упорядочения дискурса. Благодаря речевым жанрам коммуникация избегает, казалось бы, неизбежного хаоса и обретает свойства системности. В целом речевые жанры «гибче, пластичнее и свободнее форм языка» [Бахтин 1996: 181]. По В.В. Дементьеву, речевой жанр и язык представляют собой не только две разные стадии общего процесса формализации коммуникации [Дементьев 2006: 239], но две разные формы взаимодействия с культурой. Если язык – одна из базисных форм, в которых кодируется этнокультурное сознание, то РЖ – форма, в которой оно объективируется в речевом общении. Следовательно, речевой жанр и культура – разные сферы существования языка: речевой жанр – форма его использования в типовой ситуации общения, а культура обобщает тот духовно-практический опыт этноязыковой общности, в пространстве которого формируются и реализуются соответствующие речевые жанры. В них отражаются закрепленные в языке ценностные отношения, чувствования, переживания, которые в соответствии с типовой коммуникативной ситуацией обычно сопровождают общение. Речевой жанр, таким образом, очерчивает рельеф того ценностно-смыслового пространства, благодаря которому язык из абстрактной знаковой системы превращается в реальное воплощение концептосферы человеческого бытия. Такое соотношение основных лингвокультурных категорий достаточно явно представлено и в лингвистической теории речевых жанров, и в их прагматической интерпретации. При этом каждая из теорий представляет эти категории в разном соотношении.

Лингвистические аспекты взаимоотношения РЖ и культуры. В центре внимания собственно лингвистического изучения речевых жанров оказываются главным образом интенции говорящего, рассматриваемые с точки зрения теории речевых актов. Это настолько мощная исследовательская доминанта, что она даже послужила некоторым ученым основанием для отождествления теории речевых актов с теорией речевых жанров. Правда, в современных отечественных исследованиях эти теории разграничиваются. Такое разграничение пытаются закрепить и

номинативно, называя теорию речевых жанров *генристикой* [Дементьев 2006: 240].

В семиотической парадигме «семантика – синтактика – прагматика» лингвистическая теория речевых жанров исследует преимущественно семантику и синтактику, а прагматическая теория, соответственно, – семантику и прагматику. Точкой пересечения этих двух подходов, как видим, оказывается **семантика** в широком понимании этого термина – как одновременно значение и смысл. При этом для понимания взаимоотношения РЖ и культуры особую роль играет интерпретация смысла речевых построений. Приоритетность смысла здесь объясняется тем, что смысл не исчерпывается значением. Значение – лишь одна из составляющих смысла, который включает в себя и экзистенциальные переживания, и ценностные координаты данного культурного пространства. В связи с многозначностью понятия «смысл», отметим, что для нас смысл – это не столько значение, реализованное в речевом контексте, сколько ценностно переживаемое значение, выраженное в знаках языка и, в результате интерактивной обработки, реализуемое в контексте речевых жанров культуры. Так, в РЖ утешения обязательно присутствуют призывы вернуться к нормальной жизни, не страдать, не печалиться, после которых идет напоминание о возможности осуществления чего-то важного и давно желаемого.

*И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему. (Утешенье).*

В таком понимании смысл выступает первоэлементом, при помощи которого устанавливаются вторичные всеобщие связи уже не природно-эмпатического, неразрывно-континуального характера, а связи опосредованной, дискретно-кодовой, т.е. связи собственно культурного характера.

Синтактика речевого жанра, как наиболее значимый предмет лингвистического осмысления РЖ, изучена достаточно основательно [Дементьев 2006: 240]. Этому способствовало, в частности, бурное развитие в отечественном языкознании лингвистики текста. В аспекте синтактики под РЖ понимается сложная совокупность речевых актов, сочетание которых осуществляется в соответствии с соображениями некой особой целесообразности. Речевая же семантика при этом представляется опосредованно, поскольку сами речевые акты относятся к действительности не непосредственно, а через ту речевую форму, в рамках которой они порождаются. Поэтому с точки зрения синтактики речевого жанра его связь с культурой замыкается в основном на формальной реализации стереотипов речевой культуры. Однако ограничения, накладываемые синтактикой, приводят к «узкому» пониманию РЖ как исключительно виртуально-актуальной модели. В таком случае за ее пределами остается огромный семантико-прагматический пласт, который, не будучи

конструктивным элементом РЖ, служит той средой, тем постоянным фоновым сопровождением, без которого РЖ не может выполнять своих категориальных функций. В связи с этим для освещения проблемы взаимосвязи РЖ и **прагматики** необходимо разработать такой подход, который бы смог с лингвокультурологических позиций объединить принципы лингвистической и прагматической теории РЖ. Для лингвокультурологической ориентации такого подхода может быть использована концепция речевого жанра М.М. Бахтина, в которой имплицитно заложены выходы на ценностно-смысловые узлы в структурной организации РЖ через своеобразное понимание его темы – предмета речи. В результате отбора, построения и организации коммуникативного акта предмет речи становится образованием, предполагающим к себе соответствующее ценностно-смысловое отношение. Иными словами, отбор, построение и организация коммуникативного акта обуславливают культурно-прагматическую сущность темы РЖ. Культурная составляющая такого подхода предопределяется ценностно-смысловым наполнением темы общения. Одновременно такое культурологическое наполнение темы РЖ формирует и ее прагматический компонент, обуславливающий, по большому счету, диалогический стиль речемышления, который не только отражает коммуникативно-смысловую экспрессию адресанта, но и предполагает соответствующую позицию адресата. Таким образом, речевой жанр как явление диалогическое связан с культурой через посредство темы, стиля и семантики. При таком (культурологическом) подходе прагматика РЖ не сводится к ее семиотическому пониманию (как отношению между знаком и его пользователем). Тем самым преодолевается главный недостаток прагматического жанроведения, ориентирующего не на собственно речевые жанры, а жанры ситуативные, поведенческие.

Под прагматикой нами понимается достаточно широкий культурно-дискурсивный контекст диалогически организованного речевого жанра. Это еще один признак, по которому речевые жанры противопоставляются языковым явлениям. Языковые средства выполняют здесь служебную роль. Однако это ни в коей мере не умаляет их значимости.

Прагматические аспекты РЖ. Коммуникативно-прагматическая стратегия исследования РЖ наилучшим образом способствует преодолению «абстрактного объективизма» Ф. де Соссюра и воплощению идей М.М. Бахтина о языке-речи как действительной реальности. Напомним методологически значимое суждение ученого: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его существования, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями. Речевое взаимодействие является, таким образом, основной реальностью языка» [Бахтин 1996: 113]. Надо полагать, здесь под речевым взаимодействием имеется в виду функционально-смысловая связь языка-речи с событийными и прагматическими факторами устного и письменного общения. Бахтинские

идеи получили достаточно плодотворное развитие в виде социолингвистического и лингвопрагматического исследования языка-речи. Первое направление изучает функциональные свойства языка: применение языка в конкретных речевых ситуациях, влияние коммуникативной компетенции того или иного этноязыкового коллектива. При этом речь идет о языке как норме, о семантических полях, свойственных разным культурам, о языковом поведении и т.п. Во втором направлении в центре внимания оказывается прагматический потенциал языка-речи, коммуникативные ситуации и способы языкового воздействия. В рамках той или иной речевой ситуации рассматриваются иллокутивные и перлокутивные функции языка и их речемыслительное обеспечение: перформативы, пресуппозиции, пропозиции и др. Все это, конечно, крайне важно для теории речевых жанров, однако, оставаясь вне системной интеграции, лишь косвенно с ними соотносится. Для понимания внутренних стимулов взаимодействия дискурса и речевого жанра важно найти скрытые дискурсивные нити, соединяющие историко-культурные, прагматические и собственно языковые аспекты речевого жанра. Такого рода интегративный подход базируется на том, что дискурсивное полотно соткано из языка. Однако дискурс – «это не просто язык на сверхфразовом уровне» [Робен 1999: 192]. Его нелинейная организация выстраивается на совокупности таких понятий, как дискурсивные формации, интердискурс, интрадискурс, прекоконструкт. Последние связаны с парафразами и пресуппозициями, выводящими дискурс в сферу культуры.

*Могла ль Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!* (Эпиграмма).

РЖ, дискурс и культура. Как показывает предыдущий анализ, роль дискурса весьма значительна не только в статусном определении речевого жанра, но и в его культурной маркированности. В его рамках формируется основная единица речевого жанра, которую мы называем дискурсемой – некий квант амбивалентного знания, соответствующий одному фокусу дискурсивно-культурного сознания и являющийся носителем дискурсивной архитектоники речевого жанра. В приведенной выше «Эпиграмме» можно выделить три дискурсеми: (1) «Биче и Лаура не смогли», (2) «Я смогла», (3) «Как заставить женщин молчать». Дискурсема не всегда тождественна предложению-высказыванию. В каждой дискурсемме, как правило, содержится один двухслойный элемент новой информации, совмещающий в себе пропозициональные и пресуппозитивные знания.

Лингвокультурологический синтез в единой теории РЖ лингвистического и прагматического направлений позволяет, на наш взгляд, объединить диалогические и языковые аспекты речевых жанров в единое ценностно-смысловое пространство дискурса. В основе такого подхода лежит гипотеза, согласно которой в речевом жанре находит материальное выражение взаимное воздействие дискурса и культуры [Пульчинелли Орланди 1999: 198]. Иными словами, речевой жанр является той категорией,

в которой объективируются и дискурсивные, и лингвокультурные факторы речепорождения. Поскольку речевой жанр и культура находятся в опосредованных отношениях, то роль посредника здесь как раз и выполняет дискурс. Поэтому осмысление сущности взаимосвязи между речевым жанром и культурой осуществляется главным образом через анализ дискурса. Вместе с тем, надо полагать, каким бы широким ни было понимание дискурса, он никоим образом не может заменить собою лингвокультуру. Конечно, на дискурсе всегда лежит печать историко-культурной и лингвокультурной детерминированности, но по природе и сущности своей он не сводим к факторам своей обусловленности. Дело в том, что само понятие культуры, как и понятие языковой личности, наполняется в дискурсе иным содержанием. Культура здесь служит той пресуппозитивной средой, на фоне которой осуществляется дискурсивная деятельность. Субъект дискурсивной деятельности изначально связан с языком, в силу чего в лингвистике он получил название языковой личности. Таким образом, субъект дискурсивной деятельности является одновременно и субъектом языка, и субъектом культуры, между которыми существуют симптоматическое отношение. Их суть состоит в индетерминации: языковое сознание выступает специфическим воплощением дискурса, точнее дискурсивных идеологий; а дискурс, в свою очередь, служит специфическим материальным воплощением культуры.

При этом следует помнить, что сознание языковой личности значительной частью погружено в подсознание. А поскольку языковое сознание – специфическое воплощение дискурса, то и в дискурсе не менее значительными оказываются речевые механизмы подсознательного управления процессами порождения текста (продукта дискурсивной деятельности).

*Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незванный,
Несуженый, –
Приди ко мне ужинать. (Заклинание).*

Намерение выразить заклинание уже на подсознании предполагает наличие трех основных атрибутов данного РЖ: императива, подчинения, магии слова для преодоления всевозможных препятствий (*из тюремных ворот, из заохтенских болот, путем нехоженым, лугом некошеным, сквозь ночной кордон*).

Однако хотя дискурсивное смыслообразование и предполагают наличие языковой личности, причастной к культуре и к подсознательному, дискурс не может и не должен их подменять. В нашем понимании, внутренняя связь дискурса и речевого жанра осуществляется через текст, который, собственно,

и является объектом дискурс-анализа. Напомним, что дискурс-анализ – это, скорее, не столько анализ, сколько метод, применяемый для адаптации дистрибутивного подхода к изучению сверхфразовых единиц в том или ином тексте. При этом термин *анализ* при всей его многозначности не кажется избыточным, поскольку, во-первых, действительно предполагает разложение дискурса на части и, во-вторых, служит эпистемологическим средством изучения произведения (поэтического, например) в лингвистическом, текстовом и собственно дискурсивном аспекте.

Имеющийся опыт лингвистического применения такого анализа Л. Альтюссером направлен на выделение и функционально-семантическое описание языковых единиц, конституирующих данный текст. Текстовый анализ подчинен экспликации скрытых, подтекстовых, смысловых пластов содержания текста, микротекста или контекста. В этой части анализа под объективом исследователя оказываются, прежде всего, такие текстовые категории, как *когезия, тема, топики*, в центр внимания попадают разного рода интертекстуальные связи исследуемого текста. Поскольку текст является продуктом дискурсивной (речемыслительной) деятельности человека в ее историко-культурной обусловленности, собственно дискурсивный анализ призван раскрыть «под невинностью говорения и слушания скрытую глубину дискурса бессознательного» [Althusser 1965: 12]. Однако, несмотря на дискурсивную терминологию, альтюссериа́нский подход все же скорее применим к тексту, чем к дискурсу: он позволяет выявить и интерпретировать прежде всего «скрытые силы» текста. При всем текстоцентризме он все же дал необходимый импульс М. Фуко [1966] для разработки дискурс-анализа, ориентированного на описание дискурса «как механизма высказывания и как институционального механизма» [Серио 1999: 25].

Заключение. Для понимания связи дискурса с речевыми жанрами и культурой важны обе концепции – лингвистическая и прагматическая. Первая обращает нас в ментальную сферу бессознательного, а вторая – к скрытым культурно обусловленным смыслам текста. И все же их методологические установки неприемлемы, поскольку не учитывают внутренней связи текста с порождающей его средой и, прежде всего, с типовой речевой ситуацией. В этом плане ценным оказывается замечание о том, что «любой дискурс существует лишь ради кого-то и в определенной ситуации» [Робен 1999: 184]. Именно связь текста с речевыми ситуациями позволяет рассматривать дискурс как одно из важнейших условий лингвокультурологической идентификации того или иного речевого жанра. Для реализации такой концепции нужен такой дискурс-анализ, который позволил бы удержать в поле зрения одновременно языковые, текстовые и культурно-ситуативные составляющие дискурса. Его создание будет способствовать формированию нового, как нам представляется, достаточно перспективного направления в теории РЖ – лингвокультурологического.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2003. Т. 1.
- Алефиренко Н.Ф.* Коннотация и прагматика «языка культуры» // Славянские языки в свете культуры: Сб. науч. статей / Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Szczecińskiego (Polska), Ernst-Moritz-Arndt-Universität für Slawistik (Deutschland). М., 2006.
- Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1996.
- Бельчиков Ю.А.* О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация. М., 2006.
- Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Пульчинелли Орланди Э.* К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла. М., 1999.
- Робен Р.* Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недоразумение // Квадратура смысла. М., 1999.
- Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. М., 1999.
- Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.
- Чуковский К.* Высокое искусство. М., 1961.
- Althusser L.* Lire le Capital. I. Paris: PetiteCollection Maspero, 1968.